

Сергей Серванкос

НЕСЕРЬЁЗНО
О СЕРЬЁЗНОМ

мы часто смеёмся там, где надо
плакать

Сергей Серванкос
Несерьёзно о серьёзном.
Мы часто смеёмся
там, где надо плакать

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24121596
ISBN 9785448519642*

Аннотация

Мы любим посмеяться над другими, кто-то охотно смеётся и над собой. Только хотим мы или нет, порой то, над чем мы весело смеёмся, заставляет потом горько плакать.

Содержание

Быть или не быть?	5
Чужие	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Несерьёзно о серьёзном
Мы часто смеёмся
там, где надо плакать**

Сергей Серванкос

© Сергей Серванкос, 2017

ISBN 978-5-4485-1964-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЫТЬ или не быть?

*«Не лгите друг другу. Снимите старую личность с её делами и облекитесь в новую личность, которая благодаря точному знанию обновляется по образу Сотворившего её»
(Коллоссянам 3:9,10)*

События, которые перевернули нашу жизнь начались обычным сентябрьским утром. Я выбежал из дома, как всегда опаздывая на работу и думал, что бы сказать Мих Михочу, так мы между собой звали начальника смены Михаила Михайловича Воронцова. Возле входа баба Вера, как доблестный часовой на посту, тут же прореагировала на мой выход:

– Что, Сучков, опять на работу опаздываешь?

– Я Сурков. Ничего не опаздываю, у меня отгул сегодня.

– Ага, отгул за прогул. Не надо песни во дворе всю ночь горланить. Я всё участковому расскажу. Пусть выпишет тебе за нарушение общественного порядку. Ночью люди спать должны.

«Вот и спала бы себе, карга старая» – подумал я и побежал к автобусной остановке.

Когда уселся на свободное место возле окна в разбитой маршрутке, продолжая обдумывать варианты оправдания своего опоздания, вдруг услышал душераздирающий крик

женщины говорившей по сотовому. Она бросила телефон и выпучив глаза орала, как ненормальная, тыча пальцем в ладонь своей руки:

– Господи! Что это?

Я посмотрел на её ладонь, но ничего не увидел. Женщина продолжала орать, водитель резко затормозил, все обступили потерпевшую.

– Что случилось? – спрашивали её.

– У меня палец пропал, – орала женщина, тыча в ладонь.

Тут я увидел, что у неё нет мизинца, невольно глянул на свою ладонь и похолодел от ужаса. У меня не было левого мизинца. Самое странное, что я не чувствовал боли или какого-то неудобства. Посмотрев по сторонам, увидел, что некоторые пассажиры тоже недосчитывались пальцев на руках.

– Что это? – визжали женщины.

– Не иначе вирус какой-то новый, коленвал его дери! – пробасил водитель, разглядывая свою четырёхпалую кисть. – Мигом все из маршрутки! Я в поликлинику, коленвал её дери!

– Мы с вами! – заорали дружно пассажиры.

В поликлинике был переполох. Все, с поредевшими конечностями, рвались к врачу. Плач, истеричные крики, духота и теснота сводили с ума. Я попытался занять очередь к терапевту, но оказалось, что он сам лишился уже кисти и находится в долгосрочном обмороке. Пока ему оказывали по-

мощь я сел на кушетку у стены. Рядом сидел молодой парень. Он плакал.

– Ты чего? – спросил я.

– Я знаю из-за чего это. Почему я мать не слушал?! – он уткнулся в колени и зарыдал.

– Ты знаешь! Так скажи, что это? – стал я тормошить его за плечи.

Он выпрямился, вытер нос рукавом левой руки, тут я увидел, что правой у него нет вообще. Парень всхлипывая стал не спеша говорить:

– Я у вокзала напёрстками промышляю. Сегодня утром нашёл пару лохов и хотел их развести. Один ещё спросил: «А вы не обманите?», я: «Нет, конечно». Тут у меня мизинец исчез, я думал показалось. Стал напёрстки крутить, одного облапошил, безымянный пропал. Думаю, вчера дури перебрал, теперь мерещится чепуха какая-то. Второго облапошил, смотрю средний исчез. Тут бы остановиться и мать вспомнить. Она мне всегда говорила, что не доведут меня до добра эти махинации. Так нет же, как же я брошу, если клиент просит ещё и ставки повышает! Когда кисть исчезла, я хотел сбежать, а эти полоумные, словно слепые, орут: «Давай ещё!» А чем давать – кисти нет, напёрсток нечем брать. Я им говорю, что патруль идёт, сейчас повяжут. Подействовало, лохи сбежали, а у меня руки по локоть не стало. Пока сюда ехал таксисту не заплатил, сказал, что нечем. Вот без руки и остался.

– Ты хочешь сказать, что когда вре́м исчезает тело?

– Ага.

Я вспомнил ответ бабе Вере и посмотрел на место, где раньше был мизинец на моей руке. Если это правда, то надо просто больше не врать. Такой вывод меня немного успокоил, я стал пробираться к выходу. Народ всё прибывал.

Выйдя на улицу, я направился домой. На лавочке перед подъездом сидело два туловища. Одно было в платье бабы Веры и с её головой, но рук и ног у него не было. Рядом такое же тело бабы Сони из соседнего подъезда. Они оживлённо обсуждали последние новости, а их тела медленно укорачивались. Я быстро проскочил мимо, но был замечен бдительными старушками. Не слышанные мною слова, видимо, были не совсем правдой, потому что у бабы Веры исчез нос, а у бабы Сони левое ухо.

Забежав домой, я тут же включил телевизор. На всех каналах шли специальные выпуски новостей. По местному каналу наш мер, точнее его голова в сером костюме от Армани заверяла нас, что ситуация под контролем, но на очередной фразе у мера исчез рот и его голова замолчала, а потом и вовсе исчезла, так и не докатившись до конца передачи.

Это исчезновение меня напугало. Получается врать нельзя даже в уме, а это значит... Я стал судорожно осматривать своё тело и в ужасе обнаружил, что нет мизинцев на стопах обеих ног. Варианты для Мих Михыча не прошли бесследно.

А на экране телевизора показался ещё один колобок, в от-

личии от мера он был в рясе от Армани, но речь святого ко-
лобка была тоже не долгой. Как только он сказал, что всё это
кара небесная за наши грехи, как тут же растаял, только ряса
чернильным пятном растеклась по полу.

Я был в ужасе. Быстро выключил телевизор и залез
в шкаф, так я прятался в детстве, когда родители оставляли
меня одного. В темноте, за пыльными плащами и пальто я
сидел и думал, как жить дальше. Ведь, если исчезнет ложь,
придётся заново учиться жить, а если ложь останется, то ис-
чезнем мы.

Чужие

*«Они в недоумении, потому что вы уже не бежите с ними в тот же омут разгула, и говорят о вас оскорбительно»
(1Петра 4:4)*

В нашей деревне Путеево ЧП: семья Фёдора Свистулькина посинела! Ей богу! Вот таки прямо в один миг все посинели! Сам Фёдор, его жена Марфа и трое детишек. Не в том смысле, что померли, а в буквальном, синими стали, как кабачки, с головы до пят. То ли самогон некачественный попался, то ли «Аватара» насмотрелись, то ли «Тайда» вместо манки накушались. Одним словом – ЧП!

Вызвали докторов, те охают-ахают, руками разводят, ничего не понимают, говорят: «Неизвестный феномен». Местный экстрасенс – бабка Акулина говорит, что печень сбой дала надо отвар из майских лягушек в ноябрьской росе сделать и пить по капле с нового года до следующего, через пару лет всё как рукой снимет; короче, на том и порешили, стали мая ждать, чтоб лягушек наловить.

Понемногу к синеве Свистулькиных стали привыкать, к тому же собутыльник он был отменный, опять же, на гармошке так играл, что ноги сами в пляс просились, а его Марфа была первой певуньей на деревне; бывало, подопьёт, как запоёт в три часа ночи, три соседних деревни вокруг просы-

паются.

А ещё Свистулькины славились семейными скандалами, было на что посмотреть: мат-перемат, Фёдор окна громит, Марфа посуду об его голову, а дети визжат, как резанные. А тут ещё и в синем цвете всё – кино, да и только!

Прошёл год, майсконоябрьский отвар из лягушек по капельке убывал, а синева не сходила, да и не особо хотелось уже от неё избавляться, ведь Свистулькины стали местной достопримечательностью, на всех свадьбах и гулянках рядом с хозяевами на почётных местах. Опять же, ну и что, что синие, все когда-то посинеем, родные они – путеевские, стало быть, свои.

Но вот однажды уехали Свистулькины в область на какой-то слёт лучших людей края и пробыли там около месяца, а когда вернулись, что-то с ними сделалось не так. Нет, синева осталась, а вот с мозгами прямо беда, какими-то странными они стали.

Первое, что по глазам резануло, одеты странно. Дети все чистенькие такие, в новеньких костюмчиках, Марфа в модном платье, с нафуфыриной причёской, да и сам Фёдор не в промасленной фуфайке, а в пинджаке, галстучке, морда выбрита до синевы, ну, прямо – Ален Делон. Ладно, понятно, с города приехали, так они и на следующий день тоже отутюженные и выбритые до синевы вышли, и через неделю, и через две.

В деревне забеспокоились, что-то с нашими Свистульки-

ными не так, а когда Фёдор стал от самогонки отказываться, а Марфа ни разу за это время соседей песней не разбудила, да к тому же, ни одного матюка от них за месяц никто не услышал, а только: «Спасибо! Извините! Пожалуйста! Будьте добры!», тут паника началась.

– Их зомбировали там, – заговорческим шёпотом сказал местный пастух Митроха, собирая стадо у края деревни.

– Точно закодировали, – поддержала его Фёкла, здоровенная баба, знавшая всё и вся про всех в деревне.

– А, я знаю, это когда ампулу вшивают и, если выпьешь, то сразу кранты, – сказал счетовод Петрович, которого жена каждое утро выгоняла вместе с Бурёнкой со двора, крича вслед: «Иди мозги проветри, чтобы недостачи не было!»

– Это тебе ампулу надо в башку вшить, – пробасила Фёкла. – В секту они попали, вот там их и закодировали, поэтому теперь пей – не пей, всё равно – кранты! Пропали Свистули!

Не успели коровы скрыться за ближайшим перелеском, как вся деревня уже знала, что Свистулькины стали сектантами. Дети были предупреждены, деньги попрятаны, верующие протёрли иконы в красных углах и стали чаще креститься, а неверующие, тоже стали креститься, на всякий случай и сплёвывать через правое, а потом через левое плечо, местный батюшка провёл молебен за их упокоение, тьфу ты, Господи, за их выздоровление, а участковый Семёныч записал в ежедневнике дату несанкционированного обыска на предмет обнаружения экстремистской литературы (на всякий

случай).

Меры были приняты, возмущение росло, а Свистулькины продолжали пугать народ своими причудами: год к концу, а у них ни одного скандала, ходят улыбаются, постоянно трезвые, нарядные, дети не визжат, окна и посуда целые, выручки в сельпо упали.

Деревня заскучала, потом сильно заскучала, а когда сосед Свистулькиных – дед Григорий тоже пить перестал и само-сад курить бросил, тут такое началось, что обвал рубля и повышение цен отдыхают!

– Мама родная, это что же делается? – кричала Фёкла на утренней сдаче скота в ведение пастуха Митрохи. – Этак они нас всех закодируют! Гнать их из деревни надо!

– А что, – несмело пропищал счетовод Петрович. – Я с Фёдором давеча говорил, интересные вещи гутарит, к тому же, опять же пить бросил!

– Вот, вот, – накинулась на него Фёкла, прижав огромной грудью к забору. – Сегодня пить бросил, завтра жену и деток бросит, а послезавтра Родину предаст!

После этого в деревне Свистулькиным объявили негласный бойкот: на свадьбы не зовут, на улице не здороваются, детям в школе оценки занижают, Марфе и Фёдору с утра до ночи на лавочках косточки промывают, на работе не платят, мне, правда, тоже.

Только вот беда, не все у нас в деревне политически сознательные, есть отщепенцы. Счетовод Петрович стал к синюш-

ным похаживать на оргии, как просветила Фёкла нас о их страшной вере, потом его жинка, видимо, спасти мужа пошла и сама пропала. Теперь корову по утрам гоняет, мужа уважает, голос на него не повышает, тьфу, смотреть тошно, не баба, а тряпка стала.

А на прошлой неделе всполошился Семёныч, наш участковый, потому что Бык (Вован Быков) уже полгода не пьёт, тоже в галстук ходит, а у Семёныча раскрываемость преступлений резко упала. Раньше, что случилось: украли там что, избили кого; участковый сразу к Быку: «Твоя работа?», а тот с перепою: «Не помню, начальник, как домой попал», вот и всё – дело раскрыто. А теперь, Семёныч не знает что делать, жизнь идёт, как обычно, люди воруют, дерутся, а у Быка алиби: «Был у Свистулькина на собрании», а ты хоть тресни, со своей раскрываемостью!

Отец Борис, наш местный священник, поначалу спокойно отнесся к идеологической синеве Свистулькиных; они к нему в церковь не ходили, да и дед Григорий тоже не его, счетовод с женой были атеистами, а Бык вообще его попом обзывал, так что туда ему и дорога, пусть в гиене сгорит огненной вместе с хриstopродавцами. Но, когда его правая рука, матушка Серафима стала Библию читать и вопросы задавать, тут батюшка вспомнил о своей святой обязанности паству защищать от тлетворного влияния Запада. Он быстро организовал крестный ход вокруг дома Свистулькиных, когда у них там очередная оргия проходила. Вместо икон его

верные бабульки несли плакаты: «Долой сектантов!», «Наша вера правая!», «Янки гоу восвояси!», «Голубым здесь не место!»; они громко пели псалмы, так что в трёх соседних деревнях все перекрестились, даже те, кто были неверующими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.